

---

pocket**book**

rocket**book**

ДЭВИД МИТЧЕЛЛ

*Литературный
призрак*

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М67

David Mitchell
GHOSTWRITTEN

Copyright © David Mitchell, 1999
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *И. Климовицкой*

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке Geleografic

Митчелл, Дэвид.

М67 Литературный призрак / Дэвид Митчелл ;
[пер. с англ. И. И. Климовицкой]. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 608 с. — (Pocket
book).

ISBN 978-5-04-004247-0

«Литературный призрак» — дебютный роман Дэвида Митчелла. Именно эта книга, написанная с полифоничностью, которая позже станет неотъемлемым свойством его прозы, прославила Митчелла. На страницах романа переплелись жизненные пути молодого сектанта, по указке Его Провидчества устроившего зариновую атаку в токийском метро, и начинающего саксофониста, который подрабатывает в магазинчике коллекционного винила, банковского менеджера из Лондона, отмывающего в Гонконге деньги русской мафии, и ветерана английской разведки, решившего опубликовать свои воспоминания, его «литературного негра» (и одновременно — лидера панк-группы) и витающего над монгольскими степями бесплотного призрака, женщины-физика с ирландского островка, за которой охотится Пентагон, похитителей эрмитажных картин, нью-йоркского диджея и многих-многих других...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Климовицкая И., перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-004247-0

Посвящается Джону

...И если я, как мне кажется, знаю больше, — разве можно быть уверенным, что и от меня не укрылась пружина пружин?

Одни говорят, что нам никогда не узнать и что для богов мы — как мухи, которых бьют мальчишки летним днем, другие говорят, напротив, что перышка воробей не уронит, если Бог не заденет его пальцем.

Торнтон Уайлдер.

Мост Короля Людовика Святого

(Перевод В. Гольшова)

ОКИНАВА

Кто там дышит мне в затылок?
Оборачиваюсь. С шипением съезжаются створки тонированных стеклянных дверей. Ярко светит солнце. На залитой светом автостоянке ни малейшего движения. Вдали шеренга пальм и ярко-синее небо. В пустом фойе слегка покачиваются листья искусственных папоротников, вверх-вниз.

— Простите, господин?..

Поворачиваюсь обратно. Дежурная все еще ждет, протягивая авторучку. Улыбка сидит безупречно, как и униформа. Сквозь пудру на ее лице различаю поры, сквозь негромкую музыку в фойе слышу тишину, сквозь тишину — фон в колонках.

— Кобаяси. Я недавно звонил из аэропорта. Забронировал номер.

Покалывание в ладонях. Мелкие колючки.

— О да, господин Кобаяси...

А что, если она не поверит? Нечистые часто регистрируются в отелях под вымышленными именами. Чтоб предаваться блуду с иностранцами.

— Будьте добры, господин Кобаяси, впишите имя и адрес... Сюда и сюда... И укажите профессию.

Показываю забинтованную руку:

— Боюсь, вам придется заполнить анкету за меня.

— Конечно, конечно! Как это случилось?

— Зажало в дверях.

Она сочувственно содрогается и разворачивает бланк к себе.

— Ваша профессия, господин Кобаяси?

— Инженер-программист. Пишу софт по заказам разных компаний.

Она хмурится. Я не вписываюсь в ее анкету.

— Значит, у вас нет постоянного места работы?

— Впишите компанию, на которую я работаю в настоящее время.

С этим проблем не возникнет. Технический отдел Братства устроит любое подтверждение.

— Прекрасно, господин Кобаяси. Добро пожаловать в отель «Сад Окинав».

— Благодарю.

— Цель вашего приезда — бизнес или туризм, господин Кобаяси?

Нет ли двусмысленности в ее улыбке? Подозрительности во взгляде?

— Всего понемногу, — отвечаю, голосом воздействуя на альфа-волны.

— Надеюсь, пребывание у нас доставит вам удовольствие. Вот ключ. Если возникнут затруднения, господин Кобаяси, обращайтесь. Мы вам охотно поможем.

Вы? Мне?!

— Благодарю.

Нечистота, нечистота. Эти окинавцы никогда не были чистокровными японцами. Другие предки, поживе. Направляясь к лифту, спиной чувствую — экстрасенсорное восприятие работает, — что она усмехается. Она бы не усмехалась, если б знала, с кем имеет дело. Ничего, придет время — узнает. И все остальные тоже.

Огромный отель — и в полдень не видно ни души. Безмолвные коридоры тянутся вдаль, пустынные, как катакомбы.

В номере нечем дышать. В Прибежище запрещено пользоваться кондиционерами — они отрицательно влияют на альфа-волны. Из солидарности с братьями и сестрами я отключил кондиционер. Окно открыл, но шторы задернул. Кто знает, чей телеобъектив берет меня в этот самый момент на прицел.

Выглянул из окна — солнце ударило в глаза. Наха — бедный, уродливый город. Если бы не аквамариновая полоска Тихого океана вдали, вполне сошел бы за очередное щупальце Токио. Обычная красно-белая вышка с телепередатчиком, который на частотах, воздействующих на подсознание, транслирует правительственную программу промывания мозгов. Обычные здания супермаркетов, возвышающиеся, будто храмы без окон, маскируя нечистоту великолепием. Промышленные районы. Фабрики, отравляющие воду и воздух. Выброшенные холодильники на пустырях и помойках. Ох уж эти их города — рассадники мерзости и нечистоты! Я провижу Новую землю: могучая длань как метлой сметет скверну смердящую и вернет мир в девственное состояние. А затем Братство построит Град, достойный уцелевших, и они будут беречь его как зеницу ока во веки веков.

В ванной после омовения пристально рассматриваю свое лицо в настенном зеркале. Ты, Квазар, один из тех, кому предстоит уцелеть. Резкие черты — наследие предков-самураев. Четкие брови. Орлиный нос. Квазар, провозвестник. Его Провидчество в своей прозорливости избрал меня. Моя миссия — про-

сиять на пороге царства верных. Одинокая вспышка во тьме кромешной. Предвестник.

Жужжит вентилятор. Сквозь жужжание слышится плач ребенка. Девочки. Да, много слез проливается в этой юдоли греха. Приступаю к бритью.

Проснулся рано и долго не мог сообразить, где нахожусь. Мой сон, как мозаика, рассыпался на куски. Среди них мелькнул мой биологический отец. Еще там были господин Икэда, воспитатель старших классов, и пара-тройка придурков похуже. Помню день, когда эти придурки подговорили класс считать меня мертвым. К полудню забавлялась уже вся школа. Все притворялись, что не видят меня. Когда я заговаривал, делали вид, что не слышат меня. Новость дошла до господина Икэды, и что же он сделал, этот уполномоченный обществом пестун юных душ? Сукин сын перед отбоем устроил мне отпевание. Размахивал кадильницей и распевал молитвы, и все такое.

Пока Его Провидчество не вдохнул в меня жизнь, я был беспомощен. Я надрывался от плача, умолял их прекратить, но никто не видел меня и не слышал. Я был мертв.

После пробуждения обнаружил, что тело осквернено эрекцией. Очень уж много гамма-волн наложилось. Медитировал на портрет Его Провидчества, который всегда при мне, пока не прошло.

Что ж, если нечистым так хочется похорон, они их получают в избытке — во время Белых Ночей, накануне того, как Его Провидчество явится и провозгласит свое царствие. Похороны, на которых не будет скорбящих.

Я шел по Кокусай-дори, главной улице города, петляя и путая следы, чтобы сбить с толку ищущих. К сожалению, мой альфа-потенциал еще слаб, становясь невидимым пока не могу и вынужден отделяться от преследователей допотопными способами. Убедившись, что за мной нет хвоста, я нырнул в игровой центр, чтобы позвонить из телефонной будки. Телефон-автомат гораздо труднее засечь.

— Брат! Говорит Квазар. Пожалуйста, соедини с министром обороны.

— Да, брат. Министр ждет. Позволь поздравить тебя с успешным выполнением задания.

Прошло несколько минут. Министр обороны — любимец Его Провидчества. Он окончил Императорский университет. До того как услышать зов Его Провидчества, работал судьей. Он прирожденный лидер.

— А, Квазар! Отлично. Как самочувствие?

— Как всегда, прекрасно — я ведь на службе у Его Провидчества. И аллергия прошла, вот уже девять месяцев не было ни одного...

— Мы очень довольны тобой. Его Провидчество высоко ценит силу твоей веры. Крайне высоко. Сейчас Он в уединении, медитирует на тебя. Только на тебя, чтобы укрепить твой дух и придать тебе сил.

— Министр! Умоляю, передайте Ему, что я бесконечно благодарен!

— С удовольствием. Но ты заслужил такое внимание. Идет война с мириадами нечистых, и подлинное мужество не останется без одобрения и награды. И еще. Сейчас тебе нельзя вернуться в семью, нужно переждать какое-то время. Я понимаю, ты огорчен. Кабинет министров считает, что семи дней будет достаточно.

— Слушаюсь, министр, — Я низко склоняю голову.

— Ты смотрел новости по телевизору?

— Министр, я сторонюсь лжи государства нечистых. «Зачем змее вслушиваться в голос своего заклинателя?» Пусть сейчас я вне стен Прибежища, но наставления Его Провидчества запечатлены в моем сердце. Представляю, какое осиное гнездо мы разворошили!

— Вот именно! Все только и твердят про террористов, показывают кадры, где у нечистых идет пена изо рта. Бедных животных почти жаль. Почти. Только они, как и предрекал Его Провидчество, совершенно забыли, что на их головы пали их же собственные грехи. Квазар, ты вправе гордиться собой — ты был избран одним из вершителей правосудия. Священное откровение номер тридцать девять гласит: «Гордость жертвоприношением не есть грех, но заслуженное самоуважение». И все-таки держись незаметно. Смешайся с толпой. Осмотри достопримечательности. Надеюсь, денег у тебя достаточно?

— Казначей был щедр, а мои потребности скромны.

— Ну вот и хорошо. Через семь дней свяжись с нами. Все члены Братства с нетерпением ждут возвращения своего возлюбленного брата, чтобы раскрыть ему объятия.

Я вернулся в отель для полуденного омовения и медитации. Поел крекеров, орешков кешью, немного салата из водорослей и запил зеленым чаем — автомат для продажи напитков стоит рядом с моей комнатой. После обеда взял у нечистой дежурной в фойе карту и выбрал достопримечательность, которую стоит осмотреть.

Штаб-квартира японской военно-морской базы расположена севернее Нахи, под поросшим невысокими деревьями холмом, с которого открывается вид на город. Во время войны штаб-квартира была так хорошо укрыта, что только через три недели после захвата Окинавы американцы наткнулись на нее. Американцы вообще не блещут. Не видят даже очевидного. Десять лет тому назад их посольство имело наглость отказать Его Провидчеству в визе. Теперь-то, конечно, Его Провидчество может перемещаться, куда захочет, пользуясь техникой подпространственного перехода. Он не раз посещал Белый дом совершенно беспрепятственно.

Покупаю билет и спускаюсь по ступенькам в подземелье. Вокруг прохладный полумрак. Слышно, как где-то капает вода. Американских захватчиков здесь поджидал сюрприз. Чтобы не потерять воинской чести, весь личный состав базы в количестве четырех тысяч человек совершил самоубийство. За двадцать дней до прихода американцев.

Честь. Что этот суетный, одержимый идолами мир нечистых знает о чести и доблести? Я брожу по туннелям, касаясь стен рукой. Поглаживаю шрамы, оставленные разрывами гранат и кирками, которыми солдаты отрывали свою последнюю цитадель. Я ощущаю глубокое внутреннее родство с ними. Такое же чувство я всегда испытываю в Прибежище. С моим повышенным альфа-потенциалом я воспринимаю остаточное излучение душ героев. Брожу по туннелям, потеряв представление о времени.

Я уже собирался покинуть этот памятник человеческому благородству, когда прибыл автобус с туристами. Едва я глянул на них — с их фотоаппаратами, чипсами, тупыми кансайскими физиономиями, с их

альфа-потенциалом ниже, чем у навозной мухи, — как пожалел, что у меня не осталось ни одного сосуда с очищающим веществом. А то бы метнул им вслед и запер всех в подземелье. Им бы выпала благодать пройти через спасительное очищение, как и тем, ослепленным погоней за деньгами горожанам, которых я очистил в Токио. А души юных солдат, которые давным-давно пожертвовали жизнью ради идеалов — и я был готов к этому всего трое суток назад, — обрели бы наконец покой. Этих героев предали марионеточные правители, погубившие нашу страну после войны. Так же как всех нас предает общество, превратившееся в рынок для «Диснея» с «Макдоналдсом». Все эти жертвы — ради чего они? Что построили на этой крови? Непотопляемый авианосец Соединенных Штатов Америки.

Но сосудов у меня не осталось, и приходится терпеть этих нечистых, болтающих, пердящих, смердящих, плодящихся и размножающихся кретинков. Я буквально чуть не задохнулся.

Спускаюсь с холма, шагаю под пальмами.

* * *

На ладони левой руки находится точка — альфа-рецептор. Когда Его Провидчество впервые удостоил меня личной аудиенции, Он повернул мою руку ладонью вверх и легонько надавил указательным пальцем на эту точку. Я почувствовал странный толчок, как удар электрическим током, только приятный, а после обнаружил, что моя способность к концентрации учетверилась.

В тот благословенный день, три с половиной года назад, шел дождь. С горы Фудзи строем спускались облака. Нивы вокруг Прибежища волновались под восточным ветром. Двенадцатью неделями раньше Братство зачислило меня на программу для начинающих, а утром мы с младшим секретарем казначейства завершили важное дело. Я подписал документы, которые освободили меня из плена материального мира. Отныне мой дом со всем имуществом, банковский и пенсионный счета со всеми накоплениями, автомобиль и даже карточка члена Гольф-клуба принадлежали Братству. Я почувствовал такую свободу, о возможности которой даже не подозревал. Родные — я имею в виду нечистую, биологическую семью по плоти и крови — меня не поняли, как и следовало ожидать. Всю мою жизнь померяли они по линейке успехов и поражений, засекая каждый миллиметр в ту или иную сторону, и вот я сломал проклятую линейку об колено. В последнем письме, которое я получил от матери, она сообщала, что отец вычеркнул мое имя из своего завещания. Как сказал Его Провидчество в Священном откровении номер 71, «ярость одержимого бесом подобна крысе, которая тщится прогрызть Святую гору».

В конце концов, они меня никогда не любили. Они б и слова такого не знали, если б не телевизор.

В сопровождении министра безопасности Его Провидчество спускался по лестнице. По мере Его приближения становилось светлее. Сначала только Его ноги в сандалиях, затем пурпурная туника, а потом и весь Его возлюбленный облик возник передо мной. Он улыбнулся мне — благодаря дару телепатии Он уже знал, кто я и что сегодня сделал.

— Я учитель, — сказал Он.